

У НЕГО спрашивали:
 — Вы, конечно, любите богемную жизнь?
 — Плохо представляю себе, что это такое, — ответил он.
 — А на что жили все эти годы?
 — Жили с женой на гонорары из-за границы.
 Жена — та самая Ольга, к которой письма из тюрьмы. Она из пролетарской семьи. Первый читатель и критик его произведений, единомышленник и опора в жизни. Сейчас Ольга Гавлова занята благотворительной деятельностью, возглавляет комитет доброй воли. Мужем, конечно, гордится, хотя не очень-то довольна его президентским образом жизни: «Я его теперь целыми днями не вижу!» Женаты с 1964 года. Детей нет.

В НАЧАЛЕ 1989 года, когда его судили в очередной раз, в газете «Руде право» появилась огромная, точнее, разгромная статья под названием «Кто такой В. Гавел?» Упор делался на то, что дед его в свое время разбогател, стал архитектором и фабрикантом-строителем, построил в Праге несколько знаменитых домов в стиле модерна (в одном из них, на берегу Влтавы, под самой крышей, Гавел живет и сейчас, не желая перебираться в президентские покои на Граде). В том числе и концертный зал «Люцерна», где выступали и Шаляпин, и Анна Павлова. Это было, по-видимому, со стороны дедушки нехорошо. Еще хуже было то, что отец и дядя Гавела тоже были капиталистами и, представьте, создание киностудии «Баррандов» было делом их рук. Вацлаву Гавелу не раз потом припомнили его «буржуазное происхождение», не давали нормально учиться. Он вечно чувствовал себя изолированным, гонимым.
 Ему кажется, что этот комплекс остался у него на всю жизнь. Что он инстинктивно не уверен в себе и чересчур озабочен тем, какое впечатление производит на окружающих. Исследовал самого себя, он как бы оставляет в стороне свои вполне позитивные качества — такие, как приятная внешность, звонкий низкий голос, чувство юмора, умение радоваться жизни, веселиться, дружить, и главное, конечно, незаурядный литературный талант. Он больше переживает из-за «недостатков» своего характера.

Вацлав ГАВЕЛ:

«ПРЕЗИДЕНТСТВУЮ

А недостатков полно. И они ужасны. Например, раскатывает букву «р», грассирует, ну на что это похоже? Поглядывает на женщин. Продолжает, несмотря на все президентские регалии, захаживать в пражские пивные (более того: в безымянном ресторане «Винарка» собирает на ужин политических лидеров и обсуждает с ними самые жгучие государственные проблемы). Пальто, плащам и шубам предпочитает куртки. Всю «нежную революцию» он провел в свитере — некогда было переодеться, да и галстук недолюбливает. Но, начиная с церемонии принесения президентской присяги, в официальных местах в свитере уже не появляется.

ДВА СЛОВА о симпатиях Гавела. Из литературных классиков ему больше всех дорог Франц Кафка. Великий Франц К., родившийся, писавший и похороненный в Праге. Но это если из учителей, из предков. А живые друзья, сверстники и единомышленники, чей локоть всегда чувствовался рядом? Это они поддерживали его в трудные времена, и это он поддерживал их, раздавая нуждавшимся деньги, если они у него в тот момент водились. Это с ними он обсуждал судьбы родины в период так называемой нормализации, растянувшейся на два десятка лет.

Они встречались на частных квартирах в Праге, в Брно, в Братиславе, за городом на «хатах» и «халупах». О такого рода сходках вспоминает и нынешний посол ЧСФР в Москве Рудольф Сланский: «Чаще всего на них мы анализировали ситуацию дома и в мире, дискутировали о возможном развитии событий и искали выход. Это была хорошая школа политики».

Где сегодня те старые друзья? Да все здесь же, рядом. Работают, строят новое демократическое общество, и он по-прежнему любит их.
 Гавел часто употребляет слово «любовь». Знамениты его слова: «Правда и любовь победят ложь и ненависть». Так он трансформирует формулу Яна Гуса «Правда победит».

Года два назад корреспонденты Би-би-си задали Гавелу такой вопрос: — В Советском Союзе есть лозунг: «Больше социализма!». А как бы вы коротко сформулировали свою цель, свое стремление?

Еще будучи не президентом, а диссидентом, Гавел ответил: «За лучшую жизнь!».

Вот так. Но случайно ли Гавел уклонился при этом от употребления слова «социализм»? Разумеется, нет. Он вообще почти не ошибается в словесных выражениях своих мыслей. Чувствуется, что это писатель, любящий слово и умеющий его ценить. Вот как он судит о слове, о языке: «Движущая сила событий, порой сильнее, чем факт»...

Итак, социализм не упомянут сознательно. Почему?

СТАВ ПРЕЗИДЕНТОМ, Гавел сразу же поделился с депутатами Федерального собрания своими мыслями об этой политической системе. «Давайте признаемся наконец без оговорок, — сказал он, — что слово «социализм» утратило смысл в нашем языковом контексте. Никто уже, по сути дела, не может сказать, что оно означает, что под ним в наших условиях подразумевается, где, собственно, социализм начинается, а где кончается... Из обозначения великих идеалов рабочего движения это слово превратилось в идола тоталитарной системы. Моральный, политический и экономический кризис в нашей стране неразрывно связан в языковом плане с этим словом. Из политического идеала оно стало заклинанием, а из заклинания — синонимом всего дурного».

А главное, по его мнению, — всякая идеологическая характеристика существующего на данный момент общественного и экономического устройства просто не должна иметь место в названиях государств. Государств вообще. Но при этом Гавел заявил:

— И скомпрометированным словам можно вернуть их первоначальный смысл, и я не сомневаюсь в том, что различным обновленным или вновь возникающим партиям левого направления рано или поздно удастся и слову «социализм» вернуть его содержание.

Можно, конечно, при желании увидеть в последнем пассаже лишь хитрый тактический ход, но, по моему глубокому убеждению, Гавел сказал это совершенно искренне. Он действительно считает, что дело не в том, какая партия, клуб или группа одержит, скажем, победу на выборах: важно, чтобы победили личности, лучшие в нравственном, гражданском, политическом и профессиональном отношении. Это почти дословная цитата, и обратите внимание: на первое место ставится слово «нравственность», главный акцент на слове «личности». Гавел, мне кажется, вообще не лукавит, ему это просто незачем. Он достаточно популярен и достаточно мужествен, чтобы говорить о том, что думает.

Один из крупнейших митингов в Праге еще в ноябре 1989 года проходил под лозунгом «В ненасилии — сила!» Это очень «гавеловский» лозунг, его излюбленная идея. Ведь он считает, что если на зло отвечать злом, то это приведет лишь к эскалации зла, а добрых результатов не будет. Влияние Толстого? Видимо, и Толстого тоже.

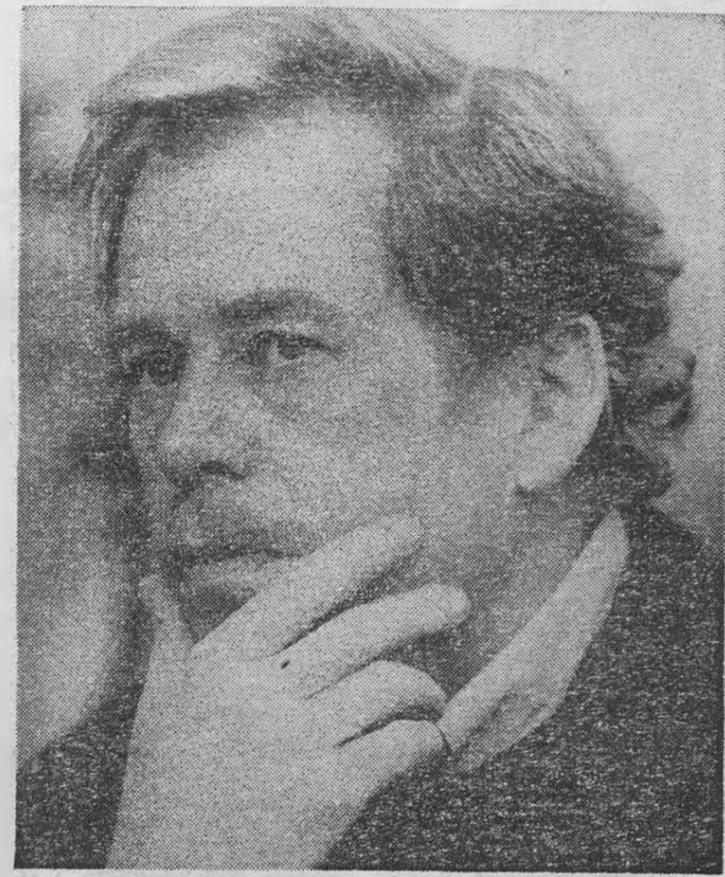
Бессспорно, что моральное начало у этого чехословацкого президента, как и у Т. Г. Масарика, к которому он относится с пиететом, стоит на первом месте. И он понимает, что «мирность» чехословацкой революции в первую очередь показала, сколь велик заряд духовности и нравственности, который существует в этом народе, какая большая гражданская культура дремала до поры в этом обществе под навязанной ему маской апатии. «Во всем мире удивляются, как цивилизованно, миролюбиво стрях-

Личность

...Кем только не поработал и не побывал он за 53 года своей жизни. И лаборантом, и плотником, и солдатом, и машинистом сцены, и рабочим на пивоваренном заводе, и грузчиком, и — трижды, общим сроком почти в пять лет — сидел в тюрьме.

КАК УМЕЮ

А вообще-то вот его кредо: «Я не хотел бы заниматься политической деятельностью, хочу работать в театре». Но у драматурга Гавела это всегда не получалось. Тут трудно провести грань. В 1975 году он пишет «Открытое письмо доктору Гусу» — что это? Политика, литература! В 1983 году из тюрьмы — «Письма к Ольге». А это что! Он один из авторов «Хартии» — воззвания, появившегося на свет 1 января 1977 года. Активист получившей название по этому документу группы «Хартия-77». Какая же деятельность — литература или политика — была лучше и эффективнее? Сам он затрудняется ответить: пусть о том судят люди.

Масарик. — 1991. — 15-21 апр. (№ 16). — с. 9

нула Чехословакия со своих плеч тоталитарную систему, да мы и сами этому удивляемся». «И гордился», не боясь ошибиться, можно было добавить за президента.

СВОЙ ПОСТ В. Гавел считает чрезвычайно важным. В годы коммунистического режима, по его словам, этот пост был чем-то вроде придатка к должности одного из членов Президиума ЦК КПЧ. Буквально за считанные дни Гавелу удалось заметно повысить авторитет высшего поста в государстве. Чем? Прежде всего делами. Высокой политической активностью, четко выраженной самостоятельностью, независимостью от партий, правительства, парламента.

Он работает по 18 часов в день, но ему кажется, что и этого недостаточно: столько дел, не хватает времени. Гавел и его команда расположились в Граде по-рабочему; дело организовано четко, насыщено электроникой. Говорят, порой по длинным коридорам пражского Кремля проносятся самокаты на мягких бесшумных шинах. Это катит сам президент, решивший, пренебрегая телефоном и экономя время, навестить кого-то из своих сподвижников.

Члены команды президента, его советники умные. Не будучи опытными профессиональными политическими деятелями, они обрели этот опыт без видимого напряжения, доказали: политика — не тайна за семью печатями, горшки обжигают не боги. Таков феномен и самого Гавела: «Я никогда не был президентом», «Я такой президент, какой есть», «Я никому не подражаю, президентствую как умею», — вот его типичные высказывания на этот счет. Оказалось, что умеет неплохо.

Рейтинг В. Гавела в Чехословакии никогда не опускался ниже отметки 85 процентов, и сегодня так же высок, как и в романтические дни «нежной революции».

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ, конечно, и об оставшихся процентах — несогласных, а в каких-то своих долях и враждебных. 14 марта этого года националистически настроенная ревующая толпа в Братиславе не только выкрикивала «Хватит с нас Гавела!», «Гавел провокатор!», но и попыталась обрушить на президента кулаки. Причина, разумеется, в том, что президент олицетворяет собой злополучный «центр» в обоих смыслах этого слова — и как стабилизирующее политическое направление, и как объединяющая власть федерации.

Как повел себя Гавел? Не ускорила шаг, не заслонила руками, а спокойно пробился — с охраной, разумеется, — сквозь бушующую толпу. Охране и советникам, находящимся в свите, досталось немало тумачков. Президент заявил потом, что он ничуть не обиделся: «Просто эти молодые люди не умели иначе выразить свое мнение». А председатель Словацкого национального совета Ф. Миклошка сказал так: «Он вырос в гот день в моих глазах не только как президент, но и как крупная личность. Я ведь его перед тем предупредил: мы идем с Вами прямо в логово льва. А он только пожал плечами: ну и пошли».

Интересная оценка личности Гавела принадлежит известному чешскому графологу: судя по почерку (исный, округлый, твердый), Гавел — человек выдержанный, гармоничный, он не подведет в трудную минуту. Верен себе и своим идеалам. Упоение властью ему не грозит.

Называют иногда президента Гавела, упущения, проколы. Но, по-видимому, не они определяют совокупную ценность его политических действий. Куда существеннее умение исправлять ошибки, да и вообще смелые ходы, инициативы, вызывающие уважение и симпатию как со стороны мужей серьезных, государственных, так и тех, кто на других площадях кричит ему по-своейски: «Привет, Вашек!»

Естественно, Гавел стремится действовать сообразно своим политическим взглядам. По основным вопросам, скажем, международных отношений, они хорошо известны: Чехословакия должна «вновь войти (вернуться) в Европу», ей необходимо разворачивать отношения с Западом, с Советским Союзом надо строить истинные взаимовыгодные добрососедские и дружественные отношения — «как и с другими странами».

Миротворческие, объединительные тенденции видны из проводимой Гавелом внутренней политики, хотя реализовать эту тенденцию так, как хотелось бы, видимо, не так-то просто. Сколько раз, к примеру, президент призывал не преследовать без разбору всех коммунистов, не использовать «нежную революцию» для сведения личных счетов. Человеческая натура, однако, не спешит переделываться — и на местах, на предприятиях коммунистов все же преследуют и личные счета сводят.

ДО НРАВСТВЕННОГО совершенства многим людям еще очень далеко, и это хорошо знает писатель Гавел. Может быть, еще дальше до него человечеству, обществу — этого не может не видеть президент Гавел, исповедующий мораль в качестве основной движущей силы политического развития. И все же жизнь, что называется, учит. Его убеждения устойчивы, они выработались долгие годы, но он гибок.

— Не изменили ли Вы своих привычек, став президентом? — спросили его как-то.

— Привычек не изменил, но приспособил их к новым условиям, — ответил Гавел.

Он признает, что в этот никем еще не опробованный период задачи оказались неимоверно тяжелы, развитие идет куда более сложным путем, чем поначалу выдвинулось. Но отступать он не намерен.

Леонид КОРНИЛОВ,
 собственный корреспондент «Известий»,
 Прага.

Гавел В.

21.11.91

161